

RU

Генерация смысла в синергичном художественном дискурсе (на примере рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня»)

Акопова Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – доказать, что главным смыслопорождающим фактором в постмодернистском художественном дискурсе является нарушение «параметров порядка» текстообразования на различных языковых уровнях. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении стратегии интерпретации современной прозы, использовании наряду с собственно филологическими трансдисциплинарными методами анализа постмодернистского художественного текста, что обусловлено его спецификой. Смысл языкового экспериментаторства постмодернистов становится явным, если интерпретировать его в лингвосинергетической парадигме. На примере анализа рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня» в контексте лингвосинергетики развивается мысль о том, что художественный постмодернистский дискурс является зоной деконструкции жесткой языковой системы, в частности лексико-грамматической организации текста. Наличие в тексте маркеров синергетичности (нелинейность, интердискурсивность и интертекстуальность) делает текст зоной бифуркации. В результате доказано, что главным маркером синергетичности художественного дискурса является изменение «параметров порядка» текста на всех уровнях, что способствует разворачиванию его самоорганизации и генерирует синергетическое смыслопорождение.

EN

Generation of meaning in synergistic literary discourse (by the example of V. Pelevin's short story "The Water Tower")

Akopova Y. A.

Abstract. The aim of the research is to prove that the violation of the “order parameters” of text formation at various linguistic levels is the main meaning-generating factor in postmodern literary discourse. The scientific novelty of the research consists in rethinking the strategy of modern prose interpretation, in using transdisciplinary methods to analyse postmodern literary texts along with philological ones, which is due to the specificity of such texts. The meaning of postmodernists' linguistic experimentation becomes clear if interpreted in a linguosynergetic paradigm. As exemplified by the analysis of V. Pelevin's short story “The Water Tower”, the idea that literary postmodern discourse is a zone of deconstruction of a rigid language system, in particular, the lexical and grammatical organisation of the text, is developed in the context of linguosynergetics. The presence of synergetic markers in the text (nonlinearity, interdiscursivity and intertextuality) makes the text a bifurcation zone. As a result, it has been proved that a change in the “order parameters” of the text at all levels is the main marker of the synergetic nature of literary discourse, which contributes to the unfolding of its self-organisation and promotes synergetic meaning generation.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в необходимости изменения ракурса изучения современной прозы вследствие многократно усложнившейся знаковой репрезентации динамического процесса смыслообразования. Языковые эксперименты писателей, процессуально-динамическое бытие созданных ими текстов свидетельствуют о недостаточности изолированного уровневого анализа, поскольку «универсум художественного творчества» с точки зрения современной «философии нестабильности» (Пригожин, 1991) соотносим с космологической картиной мира, ключевыми характеристиками его являются «неравновесность» и нелинейность. Представляется перспективным анализ художественного лингводинамического дискурса как явления семиосферы.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить маркеры синергичности в рассказе В. Пелевина «Водонапорная башня»; во-вторых, применяя методы

лингвосинергетического анализа текста, продемонстрировать динамику смыслообразования внутри дискурсивного пространства.

Для осмысления феномена смыслообразования в постмодернистской прозе были применены следующие методы исследования: лингвосинергетический, позволяющий анализировать языковую специфику текста и механизм смыслопорождения в нем с использованием трансдисциплинарных синергетических методов; дескриптивно-аналитический, описывающий, истолковывающий художественный текст.

Материалами исследования послужили следующие произведения:

Пелевин В. О. Водонапорная башня. 1990. URL: <https://kniga-online.com/books/proza/sovremennaja-proza/132843-viktor-pelevin-vodonapornaya-bashnya.html>.

Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. 2019. URL: <https://kniga-online.com/books/proza/klassicheskaja-proza/136377-boris-pasternak-doktor-zhivago.html>.

В качестве справочного материала был задействован следующий словарь:

Постмодернизм. Словарь терминов / сост.: И. П. Ильин. 2001. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/postmodernism-literature/index.htm?ysclid=lkzcp8mrgq538412853>.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области синергетики, лингвосинергетики и теории дискурса (Калашникова, 2019; Пихтовникова, 2015; Москальчук, 2010; Олизько, 2009; Эко, 2005; Лотман, 2000; Пригожин, 1991; Фуко, 1996).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в литературоведении для решения проблем анализа и рецепции постмодернистского художественного дискурса; выводы, сделанные в процессе исследования, могут быть применены в преподавании теории и истории отечественной литературы, лингвистических дисциплин.

Обсуждение и результаты

Главным маркером синергичной природы рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня» (1990) является специфика синтаксической организации дискурсивного пространства, в результате которой происходит самоорганизация глубинного смысла текста: произведение объемом в 13 страниц представляет собой один абзац и является одним предложением, включающим 2800 слов. Современными лингвистами данный текст назван «беспрецедентным» в русской литературе, поскольку, по данным исследователей (Акимова, 2006), самым крупным в художественной прозе было предложение в одном из произведений Саши Соколова (686 слов).

Рассказ-предложение Пелевина нельзя отнести к речи, передающей «поток сознания», поскольку в тексте, имеющем жесткую «древовидную» структуру (Акимова, 2006) и представляющем собой сложное предложение с бессоюзной и союзной сочинительной и подчинительной связью, развивается аналитическая мысль автора, размышляющего о жизненном пути советского человека.

Изменения в синтаксисе происходят значительно медленнее по сравнению, например, с лексическим составом языка, который напрямую отражает в художественном дискурсе меняющуюся картину мира.

Композиция предложения в художественном тексте всегда была в центре внимания лингвистов, поскольку именно предложение является ключевой структурной единицей текста, задающей специфику трансляции его контента. Так, размер предложения исследователи напрямую связывают со степенью экспрессивности текста (Белькова, 2016). Анализ длины предложений в диахроническом аспекте в художественных текстах XVIII-XX веков обнаруживает тенденцию к уменьшению размера цельного предложения (Акимова, 2006), движение от «синтагматической» классической прозы с характерным для нее «упорядоченным» синтаксисом, крупными повествовательно-описательными сложными предложениями к экспрессивному синтаксису «актуализирующей» прозы (Акимова, 2006).

В настоящее время, по мнению лингвистов, синтаксические инновации современной прозы свидетельствуют о том, что на первый план в контексте активно трансформирующейся языковой картины мира выходит именно организация высказывания, транслирующая уникальный идиостиль автора (Мартымова, 2017).

Дискурсивный характер произведений актуализирует коммуникативный потенциал текста, заложенный в его синтаксической структуре. Вследствие этого в языке постмодернистской прозы сосуществуют прямо противоположные тенденции: с одной стороны, упрощение синтаксиса (аналитическая дробность, актуализирующая использование конструкций экспрессивного синтаксиса (Белькова, 2016), «прерывистость»), с другой – усложнение синтаксических конструкций, использование больших, «избыточных» предложений. Обе тенденции, по мнению Фоккема, направлены на нарушение традиционной когерентности повествования (Постмодернизм, 2001).

Деривационные процессы в языке современной прозы, а именно в синтаксисе, наводят на мысль о необходимости преодоления герметизма в интерпретации художественного дискурса, в частности «схоластики синтаксиса» (Мандельштам, 1987), что продиктовано в первую очередь особой «заботой» современных авторов, для которых синтаксис является эффективным и эффективным способом дискурсивности, поскольку синтаксическая организация внутритекстового пространства являет природную онтологическую, энергичную сущность текста.

В синтаксическом поле текста имеется огромный потенциал для развертывания синергетического смыслопорождения. Текст приходит в движение, самоорганизуется, и в момент осознания читателем ненормативности транслируемых автором лексико-грамматических моделей развертывания сюжета, нелинейности синтагматических отношений начинается процесс генерации все новых и новых смыслов.

Стратегия «самоподобия» в постмодернистской картине мира порождает тексты – реакции на один главный стимул – жизнь человека. В рассказе-предложении Пелевина (1990) повествуется о «нормальном» советском человеке, втиснутом в «суровый и величественный» хронотоп жизни. Текст выводится из «автоматизма восприятия», когда читатель осознает глобальное нарушение в нем языкового «порядка»: одно предложение – жизнь рассказчика, а много таких ненаписанных «предложений», уложенных в ту же жесткую событийную схему истории, – это «текст», это жизнь целого поколения. Автор максимально стирает грань между реальной жизнью и условным текстовым пространством. Совершается переход от логико-грамматического восприятия текста к психологическому. Текст Пелевина буквально «прорастает» в дискурс: длина предложения – длина одной человеческой жизни с момента «включения» рефлексии сознания и его «отключения» в момент смерти. Зонай бифуркации становится не какая-либо часть произведения, генерирующая «ветвления» смысла (Акопова, 2022), а весь текст, функционирующий в неравновесном режиме движущейся человеческой живой мысли, догадавшейся вдруг о «существовании жизни так же, как когда-то догадывался о существовании смерти» (Пелевин, 1990), осознавшей необходимость «своей дороги», предначертанной свыше, бытия, развернутого в космос.

Напряженность восприятия текста задается его интонационно-грамматической целостностью. Отсутствие синтаксической дискретности в анализируемом тексте, дестабилизируя систему, в то же время способствует порождению ряда его доминантных смыслов.

Сугубо повествовательная интонация рассказа-предложения в изображении советского «эпоса» (детские воспоминания о разговорах взрослых о Гражданской войне, уроки географии в школе, лето в пионерлагере, годы репрессий, Великая Отечественная война, работа, жена, дети, смерть Сталина, работа, полет человека в космос, смерть жены, одиночество, предчувствие смерти, смерть), отсутствие разделительных пауз, которые в данном контексте могли бы быть восприняты как экзистенциальные передышки, просветы, создают колоссальный барьер восприятия текста и одновременно ощущение безысходности, нечеловеческой тяжести этого «бега» по калейдоскопически сменяющемуся событийному ряду, утяжеляют проживание рассказчиком и читателем каждого события.

Энтропия текста преодолевается и наличием в нем креативного аттрактора, явленного авторского приема, который, с одной стороны, задает «путь» восприятия произведения, с другой – генерирует неограниченное количество смыслообразов, расширяющих поле для интерпретации текста.

В рассказе Пелевина эмоционально-смысловым аттрактором, усиливающим «синтаксическую синергию» текста и указывающим путь смысловых энергопотоков к метафизическому гиперсмыслу, является образ «водонапорной башни», который возникает уже в заголовке произведения, а затем «нависает» над всем предложением – жизнью персонажа и обрамляет его.

Мифологема Башни – сквозная в мировой культуре. «Башня» – вертикаль, устремленная ввысь, в символической картине мира всегда отождествлялась с порывом к духовному началу. Башня – знак незримого присутствия в земном мире божественного начала. В образе башни в символистской эстетике была привнесена возможность познания мироздания в его трансцендентальной полноте «здесь», в физическом мире.

В рассказе Пелевина мифопоэтический смысл понятия «башня» «гасится» определением «водонапорная», редуцируется до названия технического объекта, в то же время расширяясь до обозначения профанной реальности, в которой пребывает рассказчик. Постоянное присутствие водонапорной башни в жизни героя предельно сужает его экзистенцию до выверенной государством схемы-биографии среднестатистического гражданина, схемы, в которую с небольшими вариациями вписывалась жизнь советского человека.

Отсюда болезненность переживаний рассказчика, остро ощущающего экзистенциальный вакуум, в котором пребывают люди («ты идешь по грязной улице со своей коллекцией спичечных коробков и размазываешь по лицу соплю пополам с кровью, а тебе вслед орут все те, кто уверенно чувствует себя среди этих косых заборов, обещая вломить тебе завтра еще разок так же безнаказанно, как сегодня, потому что жаловаться все равно некому») (Пелевин, 1990).

Смена номинаций субъекта повествования (Я – ты – человек) отражает энергодвижение личности, осознавшей себя не просто «почти что двухметровым столбом воды, способным самостоятельно перемещаться по поверхности земного шара» (Пелевин, 1990), а «единственной попыткой», каковой является «твоя жизнь», попыткой прорыва в иное, экзистенциальное измерение бытия, символом которого выступает башня.

Выложенное «белым кирпичом число “1928”» «на толстой верхней части каменного цилиндра» в рассказе Пелевина (1990), с одной стороны, фиксирует время построения промышленного объекта и хронологические рамки исторического периода жизни страны, с другой – слово «башня» ломает объективный хронотоп повествования и придает размышлениям героя вневременной, «вертикальный» сакральный смысл.

Водонапорная башня за окном рассказчика, которую заканчивают возводить строители, «вполне может оказаться тем первым, с чего начнется все остальное», – точка начала рефлексии персонажа. Очертания водонапорной башни, «похожей на приставленного к городу часового», стерегут его всю жизнь, чтобы он «случайно не скрылся в собственном будущем» (Пелевин, 1990).

Водонапорная башня – точка конца «предложения-жизни» («...какой-то кирпич обязательно становится последним» (Пелевин, 1990)), а может быть, как и в романе Пелевина «Generation “П”», в котором осмысливается мифологема Вавилонской башни, строительство башни является последним этапом истории человеческой цивилизации.

Смыслорождающим потенциалом в рассказе Пелевина является и актуализация в нем интердискурсивного взаимодействия с различными социально-историческими дискурсами эпохи (политическими, религиозными, культурными), в результате которого художественное пространство становится более объемным, наделяется социокультурным и психологическим измерением, текст приобретает синергетический маркер «открытости».

Жизнь целого поколения советских людей воссоздается с помощью множества аллюзий: вожди пролетариата, читающие «первый номер “Правды”»; «какие-то непонятные “наши”», захватывающие село; «ползущий вверх по шести флаг» над «пионерлагерными бараками» и ночные истории о «синем ногте в котлете»; коридор коммуналки, «забитый сундуками и комодами», голос Утесова, обещающий, что «тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет», и люди, «пропадающие целыми оркестрами», фильмы, комедии и военные драмы («Веселые ребята», «Завтра была война») – мир, который «ты выбрал, не успев ни с чем сравнить», ты, который вдруг «наткнулся на мысль» о том, что догадался сейчас о «существовании жизни так же, как когда-то догадывался о существовании смерти» (Пелевин, 1990).

В «нормальной» жизни рассказчика вдруг открывается новая страница, когда он «тайком, как другие пьют портвейн, крестится в подъездах и лифтах», ощущает себя «черным человеком» в своем «откровенно предсмертном черном пальто», «смертельно» уставшим от жизни, и со страниц «купленной недавно книги» нисходит знамение о высших и вечных правилах жизни, веры в истребимость «неизбежного» источника зла, веры, укрепляющей «расслабленную» душу («...и Он исцелял их» (Мф. 4:24)). Мир необыкновенно расширяется перед героем, и «треугольное» слуховое окно на крыше кажется ему «глазом, который глядел на него с рождения» («Ты еси...» (Пс. 76:14)). И, может быть, дверь его комнаты раскроется «куда-то еще, в места, названия которых он не знает» (Пелевин, 1990).

Герой, ощущающий себя «стоящим на подножке разгоняющегося трамвая и думающим, что чем быстрее тот едет, тем труднее будет спрыгнуть и пойти своей дорогой» (Пелевин, 1990), все-таки спрыгивает – в Вечность, и это единственный для всех «пассажиров» «общий способ решения» школьной задачи на «исчисление срока и порядка пущенных в разные часы и идущих с разной скоростью поездов», «набитых битком трамваев», в которых «тесно и душно» (Пастернак, 2019).

Безнадёжно «строгая» рамочная композиция повествования предельно драматизирует финал. Единственная точка в рассказе, точка конца предложения, совпадает с последним увиденным рассказчиком на свете «предметом» – водонапорной башней.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: постмодернистский художественный дискурс является синергичным.

Маркером синергичности в рассказе В. Пелевина является нелинейность лексико-грамматической организации текста, вследствие которой в тексте возникает конвергентный эффект взаимодействия ряда смыслообразующих каналов, что расширяет поле для интерпретации произведения.

«Открытости» текста способствует и его интердискурсивность – произведение становится зоной бифуркации – зоной активной генерации смысла в процессе взаимодействия траектории авторского замысла с восприятием читателя.

Фактором активного смыслопорождения в постмодернистском художественном дискурсе может стать изменение «порядка» в языковой системе. Самоорганизация текста Пелевина, энергичное движение в нем – результат нелинейности логико-грамматического моделирования сюжетной схемы, отразившейся в его синтаксической организации.

Лингвосинергетический метод анализа произведений современной литературы способствует равноуровневному, объемному восприятию их языковой выразительности, «раскодировке» смыслообразов, порождаемых дискурсивным художественным пространством.

Трансдисциплинарные методы исследования художественного текста включают его в мировой культурный контекст, что расширяет круг потенциальных читателей.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в продолжении разработки синергетических методов анализа постмодернистского дискурса как особой модели художественного мышления, имеющей уникальный лингвокреативный потенциал.

Источники | References

1. Акимова Г. А. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. 2006. № 3.
2. Аكوпова Ю. А. Поэтический текст как зона бифуркации (опыт синергетического анализа стихотворения С. Гандлевского «Всё громко тикает. Под спичечные марши...») // Вестник КНИИ РАН. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2022. № 1 (1).
3. Белькова А. Е. Экспрессивный синтаксис постмодернистской прозы Людмилы Стефановны Петрушевской // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 2 (71).
4. Калашникова К. Р. Лингвосинергетический подход к проблеме актуализации авторских смыслов в художественном дискурсе (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»): дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2019.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
6. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.

7. Мартыямова И. А. Актуальные процессы современного русского синтаксиса // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. № 62/2.
8. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2010.
9. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2009.
10. Пихтовникова Л. С. Самоорганизация дискурса и отдельных типов дискурса. Самоорганизация речевых произведений: информационно-когнитивный аспект // *Синергетика в филологических исследованиях: монография / под ред. проф. Л. С. Пихтовниковой*. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 2015.
11. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6.
12. Фуко М. Порядок дискурса. Лекция // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / сост. и пер.: С. В. Табачникова. М., 1996.
13. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005.

Информация об авторах | Author information

Акопова Юлия Алексеевна¹, к. филол. н.

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Akopova Yuliya Alekseevna¹, PhD

¹ Rostov State University of Economics

¹ yua@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2023; опубликовано online (published online): 06.09.2023.

Ключевые слова (keywords): В. Пелевин; постмодернистский дискурс; лингвосинергетика; бифуркация; креативный аттрактор; V. Pelevin; postmodern discourse; linguosynergetics; linguosynergetics; bifurcation; creative attractor.